

ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ

Из книги «Большие числа» (1976)

Перевод с польского АСАРА ЭППЕЛЯ

Лотова жена

Я оглянулась, говорят, из любопытства.
Но кроме любопытства возможны и еще причины.
Пожалела о серебряной миске.
По случайности — завязывая ремешок сандалии.
Оттого, что надоело глядеть в праведную спину
супруга моего, Лота.
От внезапного ощущения, что, умри я,
он даже не остановится.
Из-за ослушания прислужников.
Прислушиваясь к погоне.
Удивленная тишиной, в надежде, что Господь раздумал.
Две наши дочери уже скрылись за перевалом.
Я ощутила старость. Отчужденье.
Тщету скитаний. Сонливость.
Я оглянулась, положив котомку наземь.
Оглянулась, не зная, куда идти.
На тропе моей возникли змеи,
пауки, полевые мыши и птенцы сучей.
Уже — ни доброе, ни злое — просто все живое
ползло и скакало в страшной панике.
Я оглянулась от одиночества.
От стыда, что потихоньку сбегаю.
От желания завопить, вернуться.
Или тогда, когда рванувшийся ветер
разметал мои волосы и задрал платье.
Мне показалось, что это видят со стен Содома
и громко хохочут, раз и еще раз.
Я оглянулась во гневе.
Чтобы утешиться их страшной бедой.
Я оглянулась по всем приведенным выше причинам.
Вопреки желанию.
Просто камень поворотился, рыча подо мной.
Просто расселина отрезала дорогу.

По ее краю прохаживался хомячок на задних лапках.
И оба мы поглядели вспать.
Нет. Я бежала дальше,
ползла и взбегала,
покамест тьма не пала с небес,
а с ней — горячие камни и мертвые птицы.
Из-за сбившегося дыхания я не раз оборачивалась.
Со стороны, верно, казалось, будто я приплясываю.
Не исключено, что глаза мои были открыты.
Возможно, я упала лицом в сторону города.

Виденное сверху

На тропке тихо мертвый жук лежит.
Три пары ножек на брюшке сложил он чинно.
Вместо хаоса смерти — порядок и опрятность.
Ужас этого зрелища весьма умерен,
регион четко очерчен от пырея до мяты.
Печаль не овладевает.
Небо голубое.

Для нашего спокойствия смертью поскромнее
не умирают — околевают животные,
теряя — хочется верить — меньше бытия и чувств,
покидая — такое впечатление — менее трагичную сцену.
Их укромные души нас по ночам не пугают,
уважают дистанцию,
знают дисциплину.

И вот он на тропинке, мертвый жук,
отсвечивает на солнышке в неплачевном виде.
Тут, что увидишь, про то и подумаешь:
полное впечатление, что ничего серьезного.
Ибо серьезное связано только с нами.
Только нашей жизни придана наша смерть,
и вынуждаемым она славна приоритетом.

Средневековая миниатюра

По зеленойшему склону,
кавалькадейшим строем,
в наишелковейшем платье.

В замок о семи башнях,
где каждая выше прочих.

Впереди осударь сам,
наильстивейше непузатый,
осударыня при супруге,
молода собой, молоденька.

Следом придворные дамы,
писанные, ей-богу,
и паж наиотроковейший.
А на плече у пажа-то
сверхобезьянье будто
с наипотешнейшей рожей
и хвосточком.

Тут и рыцари за ними,
всяк двоится и троится,
где один с победным видом,
тут другой с самодовольным.
А под кем скакун буланный,
то буланейший, судари,
и все копытцами вроде касаясь
придорожнейших цветочков.

Кто же грустный да усталый,
с драным локтем, косоглазый —
того очевиднейше нет.

Ни тебе проблемы вовсе
горожанской иль холопской
под наилазурнейшим небом.

Даже виселички малой
соколинейшему оку,
и ничто не отбрасывает тени сомненья.

Этак вот пречудно едут
в расфеодальнейшем реализме.

Он же, что ни говори, соблюдал пропорции:
ад для них уготавливал на другой картинке.
Это же так понятно
архисамо собой.

Похвальное слово сестре

Моя сестра не пишет стихов
и уже, вероятно, не начнет писать стихи.
Она в мать, которая не писала стихов,
и в отца, который тоже не писал стихов.
Под кровом моей сестры я ощущаю себя в безопасности:
муж моей сестры ни за что на свете не стал бы писать стихов.
И хотя это выглядит как произведение Адама Македонского¹,
никто из родственников тоже не занимается сочинением стихов.

Ни в шкафах моей сестры нету старых стихов,
ни в сумочке, написанных недавно.
А когда сестра приглашает на обед,
я знаю, она не собирается читать мне стихи.
Ее супы прекрасны непреднамеренно,
а кофе не проливается на рукописи.

¹ Современный польский поэт.

Во многих семьях никто не пишет стихов,
но уж если — разве что кто-нибудь один.
Иногда поэзия обрушивается водопадами поколений,
что создает ужасающие водовороты во взаимных чувствах.

Моя сестра неплохо практикует разговорную прозу,
а все ее писательство — открытки из отпуска
с текстом, обещающим всегда одно и то же:
мол, когда вернется,
то все,
все,
все расскажет.

Жизнь здесь и немедля

Жизнь здесь и немедля.
Спектакль без репетиций.
Тело без примерки.
Голова без раздумья.

Не знаю роли, которую играю,
Знаю, что моя, и ничья больше.

Сюжет приходится угадывать по ходу представления.

Слабо подготовленная к привилегии жизни,
с трудом выношу навязанный темп.
Не любя импровизаций, импровизирую.
Что ни шаг спотыкаюсь о незнание предмета.
Мое бытованье отдает захолустьем.
Инстинкты — сплошная любительщина.
Дрожь в поджилках, извиняя меня, тем самым унижает.
Смягчающие обстоятельства по ощущению беспощадны.

Не взять обратно ни слов, ни жестов,
не досчитаны звезды,
характер, как плащ, застегиваемый на бегу,—
вот печальные последствия упомянутой внезапности.

Хоть бы одну среду прорепетировать заранее,
хоть бы один четверг повторить еще разок!
А тут, пожалте вам, пятница с непредвиденным сценарием.
Ну можно ли так — спрашиваю
(хриплым голосом,
потому что за кулисами не успеваю откашляться).

Иллюзорна мысль, что это поверхностный экзамен,
сдаваемый во временном помещении. Нет.
Декорации куда как основательны.
Поразительна тщательность реквизита.
Поворотный механизм налажен очень-очень давно.
Включены даже самые дальние туманности.
Ох, наверняка это — премьера.
И — что бы я ни совершила —
навечно превратится в то, что совершила.